



## **А. А. ЯКОВЛЕВ**

### **Предисловие (к книге: Рассел Б. Почему я не христианин. М., 1987)**

Бертран Рассел (1872–1970) — английский философ, математик, публицист, деятель мирового демократического движения за ядерное разоружение, за отказ от решения спорных вопросов политики военными средствами. Имя его стоит в одном ряду с именами таких ученых, посвятивших себя борьбе за мир, как Альберт Эйнштейн и Нильс Бор. Рассел — автор «Манифеста Рассела — Эйнштейна», положившего начало Пагуошскому движению ученых за мир, инициатор целого ряда антивоенных кампаний и организаций; в 1960-е гг. одним из первых западных ученых он выступил против американских военных преступлений во Вьетнаме.

Борьба за мир с течением времени стала главным делом его жизни; она явилась закономерным следствием той эволюции, которую претерпели философские и общественные взгляды Рассела. Развитие его мировоззрения не шло по прямой: это не разработка каких-то исходных и фундаментальных посылок, а скорее постоянный пересмотр прежних позиций и отбрасывание изживавших себя идеологических иллюзий; во многом это было и изменением собственных личностных установок.

Эволюция взглядов происходит у каждого философа. У Рассела она шла по восходящей линии. В силу своей научной честности философ находил в себе мужество отказываться от идей, которым он ранее поклонялся, но которые впоследствии находил ложными. И невозможно понять Рассела, не учитывая этого его мировоззренческого развития. Рассел как философ — родоначальник сразу двух философских направлений — неореализма (в его английской и американской разновидностях) и так называемой аналитической философии; однако в поздний период творчества он подверг резкой критике взгляды философов, развивавших его же собственные, но высказанные полвеком ранее идеи.

Рассел хорошо известен у нас как ученый, написавший фундаментальные труды по математической логике и теории познания, как автор «Истории западной философии», как общественный деятель. Гораздо меньше мы о нем знаем, как об атеисте: на русском языке была издана лишь одна небольшая его статья «Почему я не христианин». А между тем атеизм занимает существенное место в творчестве философа: Рассел принадлежит к той традиции просветителей XVIII в., которая дала миру Дидро, Вольтера, Гольбаха, его идеи напоминают и фейербаховскую критику религии. По ряду вопросов Рассел примыкает к материалистической тенденции в философии, что и проявляется в его резкой критике религии как социального института, совокупности догм и соответствующих им психологических и нравственных установок.

Книга, которую читатель держит в руках, — собрание работ Рассела, написанных в разные периоды жизни философа. Все эти эссе, статьи и главы из книг посвящены вопросу о сути религии и ее месте в человеческой жизни. Но они не ограничиваются только этим. Рассел не просто атеист, эту свою мировоззренческую позицию он тесно связывает с общечеловеческими идеалами, с идеями гуманизма. Всей жизнью своей отверг он лицемерную мораль буржуазного общества. Клерикалы отрицали гуманистический характер его философии, обвиняли его в аморализме, однако не смогли поколебать ответственность этого человека перед своей совестью, равно как и привлекательность его образа, сложившегося в общественном сознании.

Конечно, критика Расселом религиозного мировоззрения отличается от марксистской критики, и об этом свидетельствуют не только ранние его работы — «Поклонение свободного человека», «Сущность религии», «Мистицизм и логика», в которых слышны нотки примирения с религией, стремление найти в ней ценные моменты, — но и работы зрелые, такая, например, как «Внесла ли религия полезный вклад в цивилизацию?», где о религии говорится как о главном препятствии на пути человеческого прогресса. Но и с этой непоследовательностью расселовская критика — прогрессивное явление в современной философии, она способствовала просвещению людей и разоблачала реакционную роль церкви как общественного института. Эта критика, кроме того, была и критикой государства, тем более что, как и в царской России, связь церкви и государства в Англии была закреплена в самих государственных учреждениях; как и в России, в этой стране были свои «чиновники в рясах, жандармы во Христе».

Имеется качественное различие между буржуазным атеизмом и атеизмом марксистским. С точки зрения марксиста, «борьбу с религией нельзя ограничивать абстрактно-идеологической проповедью, нельзя сводить к такой проповеди; эту борьбу надо поставить

в связь с конкретной практикой классового движения, направленного к устранению социальных корней религии»\*. Рассел, разумеется, лишь проповедник, однако проповедь его — это не демонстрация буржуазной «свободы совести», но попытка вообще освободить совесть от религии. Известно, что В. И. Ленин неоднократно подчеркивал необходимость издания и распространения произведений французских просветителей XVIII в. как образцов атеистической литературы; он настаивал и на том, чтобы сотрудничать в деле атеистического просвещения масс с буржуазными учеными — как историками религии, так и естествоиспытателями-материалистами. В своей работе «О значении воинствующего материализма» он прямо указывал, что «союз» с ними «в той или иной форме, в той или иной степени для нас обязателен в борьбе с господствующими религиозными мракобесами»\*\*.

Просветители XVIII в. хоронили идеологию феодализма, а Рассел — буржуазный демократ, который борется против буржуазной демократии, со временем забывшей о своих собственных лозунгах равенства, братства и свободы: теперь она стала предпочитать «умилительные речи» церковников о «божественном и нравственном». Внутри этой общей для всего атеистического наследия Рассела позиции мы наблюдаем значительную эволюцию взглядов, которая доходит до объяснения религии и нравственности социальными причинами; но на этом и останавливается. Начинает же ее одна из самых известных работ философа, изданная в 1903 г., — «Поклонение свободному человеку», в которой Рассел вполне в духе Фейербаховской критики религии настаивает на независимости морали от религиозной догмы. А это уже свободомыслие, ведь «независимая мораль оскорбляет всеобщие принципы религии»\*\*\*.

Ленин называл 30-ю главу «Лекций о сущности религии» Л. Фейербаха «образчиком просветительского атеизма», и отдельные места из расселовского «Поклонения...» очень схожи с идеями немецкого материалиста. Моя задача, писал, например, Фейербах, вас, слушателей, превратить «из друзей бога в друзей человека, из верующих — в мыслителей, из молекульщиков — в работников, из кандидатов потустороннего мира — в исследователей этого мира, из христиан, которые, согласно их собственному признанию и сознанию, являются *“наполовину животными, наполовину ангелами”*», — в людей, в цельных людей»\*\*\*\*.

\* Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 17. М., 1976. С. 418.

\*\* Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 45. М., 1970. С. 45, 28.

\*\*\* Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 1. М., 1955. С. 13.

\*\*\*\* Фейербах Л. Избранные философские произведения в 2 т. Т. 2. М., 1955. С. 810.

Вторая из приводимых в настоящем сборнике ранних работ философа — «Сущность религии» — по идее своей есть определенное восстановление религиозной точки зрения, хотя и без бога. В этой статье видна противоречивость мировоззренческой позиции Рассела, который от отрицания религии и утверждения автономной морали в 1903 г. переходит в 1912 г. к восстановлению морали как религии. Его точка зрения, кстати, поразительно напоминает идеологию «богостроительства» с его «религиозным атеизмом» и «обожанием» высших человеческих потенций. Впрочем, это совпадение, быть может, и не такая уж случайность. Одна из первых работ Рассела, «Германская социал-демократия» (1896), переведенная на русский язык Верой Фигнер, показывает, сколь внимательно он следил за социал-демократическим движением.

Но есть немалое различие между позицией «богостроительства» и расселовскими попытками найти в религии «ценные» моменты: первое было шагом назад от атеизма к религии, а точка зрения Рассела, если брать ее в контексте дальнейшей эволюции взглядов философа, все же была скорее шагом вперед от религии к атеизму. Наконец, из ранних работ Рассела следует особо выделить «Мистицизм и логику» (1914) — одно из известнейших его произведений, которое, впрочем, сам он не относил к числу серьезных работ. Несмотря на критику идеализма, которая в ней содержится и которая очень ценна сама по себе; несмотря на то, что Рассел выступает как профессиональный философ, апеллирующий к разуму и уже тем самым противостоящий религии, в этой работе есть и оправдание мистицизма, причем, что любопытно, мистицизма не христианского, а восточного типа. Обобщая, можно сказать, что все три ранние работы Рассела, написанные в период 1903–1914 гг., отражают стремление, с одной стороны, атаковать религию в ее догматической форме, а с другой стороны, оставить в неприкосновенности само раболепие человека, хотя и перед «новыми» богами, а не «богами толпы». Если оценивать эти стремления со стороны идейной, то корни их, конечно, можно увидеть еще в идеологии эпохи Английской буржуазной революции XVII в. Но в расселовских взглядах виден и современный демократический протест, в зародыше это — требование окончательного отделения церкви от государства, освобождения человека от религиозных иллюзий.

Громадное влияние на развитие Рассела как философа оказала Первая мировая война, эта кровавая империалистическая бойня, унесшая миллионы жизней и превратившая в бессмыслицу казавшиеся ранее непоколебимыми буржуазные представления о прогрессе и самосовершенствовании человека. Война поставила все и всех на свои места: «пушечное мясо» было отправлено на фронт,

господствующий класс остался дома, у карты военных действий, а либеральная интеллигенция почти целиком превратилась из «прогрессистов» в националистов и шовинистов. Всегда чувствовавший отвращение к шовинизму Рассел присоединился к лагерю несогласных с войной — пацифистов, выступавших за всеобщее разоружение и скорейшее окончание войны, хотя с самого начала и не разделял полностью идеологии этого общественного движения: в его представлении главной задачей было сопротивление, борьба с несправедливостью. После трех лет совместной работы с пацифистами ему стало ясно, что разнообразные формы борьбы в рамках пацифизма есть простая утопия, мечта о возможности безоружной борьбы с вооруженной империалистической буржуазией.

Рассел отошел от пацифистского движения, и ему самому не ясно было, каким будет его дальнейший путь. Однако английская полицейская машина все решила по-своему: воспользовавшись надуманным предлогом, власти засадили Рассела в тюрьму, а газеты организовали травлю, обьявив, что в действительности он просто немецкий шпион. Попробуйте не быть националистом, когда все кругом кричат о гибели нации!

Реакция Рассела на войну была совсем не такой, какую можно было бы ожидать от отпрыска старинного аристократического рода. Вместо того чтобы поддаться ужасу и отчаянию, охватившим огромные массы населения, особенно интеллигенцию, и обратиться к религии, он, наоборот, обнаружил лицемерие проповеди любви, кровавые последствия непротивления. Первая мировая война заставила философа перейти из лагеря «профессоров философии» в лагерь демократических и не связанных службой в государственных учреждениях писателей, публицистов, относительно свободно — конечно, в рамках буржуазных «свобод» — выражавших свои взгляды в статьях, книгах, лекциях. Это не было классовой борьбой, однако все же помогло Расселу отчетливо увидеть мерзость либералов, изливавших свою «любовь» на жертвы войны — войны, которую они сами же и помогли развязать. Гуманизм Рассела вырос из его позиции ученого, мыслителя; но он был также тесно связан и со все более ясным пониманием фальши христианской проповеди смирения и покорности. Рассел — атеист буржуазно-демократического направления, его атеизм — каким бы воинствующим он ни был — представляет собой всего лишь критику религии, он не видит, что единственным путем утверждения гуманистических идеалов является революционное преобразование общественных отношений, подрывающее, а затем и устраняющее социальные корни религии. Трагедией Рассела было то, что он так и не смог в этот период своей жизни перейти от идеалов гуманизма к гуманизму на практике.

И все же важным результатом его исканий наряду с некоторыми другими, чисто философскими, результатами в области теории познания было появление ряда работ атеистического характера, значительно отличавшихся от его ранних произведений. «Во что я верю», «Почему я не христианин», «Внесла ли религия полезный вклад в цивилизацию?» — произведения, отразившие, хотя и с некоторым запозданием, тот перелом в мировоззрении Рассела, который был вызван войной и крушением «идеалов» европейской, так называемой «гуманистической» и «христианской», культуры.

Насколько сильным был этот перелом, можно видеть из его переписки. В 1929 г. маленький сын Рассела заболел, и ему пришлось перенести две операции подряд. Рассел же должен был ехать в Лондон на дискуссию с епископом Гором. «Мне сказали, — писал он потом другу, — что страдание посылается как очищение от греха. Бедный маленький Джон никогда не грешил в своей жизни. Мне захотелось плюнуть им в лица — они были так холодны и говорили так бесстрастно, с садистским удовольствием смакуя пытки, которые причиняет их бог». Воинствующий атеизм Рассела достиг своего апогея в работе «Внесла ли религия полезный вклад в цивилизацию?», где он заявил, что именно религия является главным препятствием на пути цивилизации, и, только убрав это препятствие, человечество сможет быть счастливым.

В 1930-е гг. вышла небольшая по объему книга Рассела «Религия и наука», в которой ему удалось в яркой форме, на фактическом материале показать, как и почему религия боролась на всем протяжении своей истории с разумом, достижениями науки в различных областях знания. Рассел показывает здесь также, что, прикрываясь лучшими достижениями человечества в общении, отношении к миру, счастью или смерти, религия на деле извращает эти ценности, несет человечеству не любовь, а ненависть, не благожелательность и терпимость, а изощренную жестокость и злобу, преследует за неверие, насилует человеческую совесть.

Продолжением «Религии и науки» можно считать известный диспут о существовании бога между Расселом и Ф. Коплстоном — известным английским историком философии, иезуитом, в то время — ортодоксальным философом-неотомистом. Их дискуссия, состоявшаяся в 1948 г., являет собой пример столкновения двух идеалов рациональности: естественнонаучного и теологического. Это спор двух мировоззрений, каждое из которых выражает вполне определенный исторический тип мышления, связанный со вполне определенными картинами мира, характером интеллектуальных структур, этической и эстетической оценки. Какого-то позитивного результата в данном споре, конечно, достигнуть было невозможно,

поскольку сам предмет предполагал два взаимоисключающих ответа: да или нет. Несмотря на то что Рассел защищал современные научные представления о строении и происхождении Вселенной, ему оказалось гораздо труднее доказывать «не-существование», чем Коплстону — «существование» бога. Легко сказать: «А вдруг что-то такое и существует? Почему нельзя этого допустить? Давайте допустим, не будем догматиками!» Но совсем не легко опровергнуть такого рода псевдонаучный демократизм, по сути дела, это можно сделать, лишь опираясь на опыт развития науки.

Порой создается впечатление, что за критикой религии стоит неприятие догматического способа мышления вообще, и атеистические произведения английского философа выходят за рамки противопоставления научного и религиозного мировоззрений в более широкий контекст — борьбы научного подхода, в самом общем понимании, с догматическим строем мышления, суть которого для Рассела состояла, в частности, в ситуациях, которые он описывал в целом ряде своих произведений: «Стоит только предположить, будто в речах определенного человека заключена абсолютная истина, как тут же появляется когорта специалистов по истолкованию его речей. А так как специалисты эти держат в своих руках ключ к истине, то они неминуемо приобретают власть, которой пользуются, как и всякая другая привилегированная каста, ради собственной выгоды. В одном отношении, однако, они хуже всякой другой привилегированной касты, ибо миссия их заключается в разъяснении неизменной истины, возвещенной раз и навсегда в совершенной и законченной форме, так что они неизбежно становятся врагами всякого умственного и нравственного прогресса»\*.

В публикуемом диспуте спор идет скорее о том, кто окажется менее догматичным — ученый или теолог. И видимо, стремление не выглядеть догматичным оборачивается для Рассела своего рода этической стерильностью, вообще-то совершенно ему не свойственной. Кажется, что Коплстон берет верх в последней части, посвященной вопросу об основаниях моральных норм. Однако впечатление обманчиво: ведь ему приходится заплатить за это совершенно догматическим и поэтому слабым тезисом, что без бога объяснить «форму морального обязательства» невозможно. Очевидно, что именно в свете этой критики «псевдодемократизма» религии, ее лицемерных ссылок на разум Рассел и счел за лучшее назвать свою позицию не атеизмом, а агностицизмом: последний был для него лишь тактическим приемом, ибо всеми своими произведениями Рассел доказал, что его позиция на деле является именно атеизмом.

---

\* *Рассел Б. Почему я не христианин. М., 1987. С. 115.*

Наконец, среди атеистических работ Рассела заметное место занимают те главы из его «Истории западной философии», в которых содержится анализ развития католической философии. Прежде чем кратко охарактеризовать их, следует, видимо, напомнить об одном эпизоде из жизни английского философа, который относится к чуть более раннему времени. Эта позорная история случилась в 1940 г. в Нью-Йорке, где Рассел в это время жил и работал. Совершенно неожиданно ему отказали в месте лектора Нью-Йоркского городского колледжа, хотя договор был уже заключен. Естественно, Рассел подал в суд, и уже в ходе разбирательства выяснилось, что инициаторами дела были церковники, использовавшие подставных лиц для того, чтобы попытаться дискредитировать философа. Рассела обвинили в аморализме; он, следовательно, не мог «наставлять юношество». Несмотря на всю абсурдность обвинения, суд, уступив нажиму, лишил Рассела права преподавания. «Как американцы, — писал Джон Дьюи после того, как суд вынес свое решение, — мы можем только краснеть от стыда».

«История западной философии» вышла в свет в 1948 г. и сразу же завоевала огромную популярность, книга была переведена почти на все языки мира, в том числе и на русский. В тех главах, которые публикуются в настоящем издании, Рассел выступает как компетентный, свободно владеющий материалом историк религии, со знанием дела описывающий исторические события и идеи, приведшие к возникновению и первым шагам христианской догматики и церковной организации. Кажется, что тон его спокоен; интонация Рассела — это интонация просвещенного человека, понимающего, что победа в споре осталась за ним. Однако это лишь на первый взгляд бесстрастное описание, на деле же оно представляет собой бичевание церковного лицемерия и претензий христианства на «возвышенность».

В заключение хотелось бы подчеркнуть следующее. Нельзя понять суть атеистических взглядов Рассела, не увидев, что в основе своей расселовский атеизм — гуманизм. Это очень важный аспект его мировоззрения. Как писал К. Маркс, «атеизм является отрицанием бога и утверждает бытие человека именно посредством этого отрицания»\*. Движение именно к такому пониманию обнаруживается в эволюции взглядов Рассела. Пусть негативно, пусть путем снятия, но человек утверждает свое бытие как свободного, а не зависимого существа, избавляясь от иллюзий счастья и требуя действительного счастья. Жизнь Бертрана Рассела была жизнью философа, неустанно искавшего последнюю достоверность, основу бытия, в ко-

---

\* Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 42. М., 1974. С. 127.

торой уже невозможно было бы сомневаться, нечто такое, что никак нельзя было бы назвать иллюзией или суетой. Отвергая религию, он искал истину, и именно то, что в конце концов он ее нашел, послужило последним опровержением существования «верховного творца».

Высшая ценность на земле — человек. Борьба за его счастье, против кровавой бессмыслицы войны и ядерного безумия есть высшее и безусловное благо: таков итог исканий Бертрана Рассела. И под этим философским результатом готов подписаться каждый прогрессивный человек, живущий в наш стремительный и переломный для судеб цивилизации век.

